

ДОВГИЙ О.Л.¹ «И ДНЕСЬ УЧИТЕСЬ, О ЦАРИ»: ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЕ УРОКИ ТИРАНАМ (Обзорная статья на материале сочинений А.Е. Махова)[©]

Аннотация. Статья, написанная на материале эмблематической диалогии А.Е. Махова («Эмблематика: Макрокосм», 2014, «Эмблематика: Микрокосм»), посвящена способам изображения тирана в эмблематике. Эмблематический подход к миру отличается прагматизмом; дидактическая функция часто оказывается основной. Тиран, как и любой человек или вещь, для эмблематистов не самоцель, а дидактическое средство. Свод мотивов, образующих топику тирана и, шире, правителя вообще, в целом не отклоняется от набора общеморальных истин. Оригинальность эмблематических решений возникает на уровне КАК. Уникальность видения Махова – в принципах анализа механизма выражения эмблематического прагматизма: в отборе материала, неожиданной фокусировке, скрупулезном исследовании системы художественных средств. Поэтические приемы эмблематики (метафорические коды, парадоксы, набор этосов, приемы аргументации), впервые системно описанные Маховым, универсальны. В применении к тиранической топике маховский подход позволил увидеть разнообразие способов выражения моральных «уроков царям», разные способы репрезентации оппозиции жестокого и справедливого правителя в эмблематике.

Ключевые слова: А.Е. Махов; эмблематическая диалогия; дидактическая функция эмблемы; тиран; правитель; государь.

¹ Довгий Ольга Львовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; olga-dovgy@yandex.ru

© Довгий О.Л., 2025

Для цитирования: Довгий О.Л. «И днесь учитесь, о цари»: эмблематические уроки тиранам (Обзорная статья на материале сочинений А.Е. Махова) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 73–101. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.05

Поступила: 01.07.2025

Принята к печати: 31.07.2025

DOVGY O.L.¹ “And learn today, o kings”: emblematic lessons for tyrants (Review article based on the writings of A. Makhov)[©]

Abstract. The article, written on the material of the emblematic dilogy by A. Makhov (*Emblematics: Macrococosm*, 2014, *Emblematics: Microcosm*, 2024), is devoted to the methods of depicting a tyrant in emblematics. The emblematic approach to the world of things is distinguished by pragmatism; the didactic function is often the main one. As Makhov shows, a tyrant, like any person or thing, is not a final aim for emblematisers, but a didactic means. The set of motifs that form the topic of a tyrant – and more broadly, a ruler in general – does not pretend to be original, in general not deviating from the set of general moral truths. The originality of emblematic solutions arises at the level of HOW. The uniqueness of Makhov’s vision lies in the principles of analysis of the mechanism of expression of emblematic pragmatism: in the selection of material, unexpected focusing, scrupulous study of the system of artistic means. The poetic devices of emblematics (metaphorical codes, paradoxes, a set of ethos, methods of argumentation), first systematically described by Makhov, are universal. When applied to the tyrannical topic, Makhov’s approach allowed us to see the diversity of ways of expressing moral “lessons for kings”, different ways of representing the opposition of a cruel and fair ruler in emblematics.

Keywords: A. Makhov; emblematic dilogy; didactic function of an emblem; tyrant; ruler; sovereign.

To cite this article: Dovgy, Olga L. ““And learn today, o kings’: Emblematic lessons for tyrants (Review article based on the writings of A. Makhov)”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 4, 2025, pp. 73–101. DOI: 10.31249/lit/2025.04.05 (In Russian)

Received: 01.07.2025

Accepted: 31.07.2025

¹ **Dovgy Olga Lvovna** – Doctor in Philology, Senior Research Fellow at the Department of Literary and Art Criticism and Publicism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; olga-dovgy@yandex.ru

© Dovgy O.L., 2025

Двухчастное заглавие статьи сразу исключает всякую интригу, указывая на два пути исследовательской мысли: широкий и хорошо утрамбованный (топика «уроков царям», к которой отсылает пушкинская цитата) и совсем узкий, пока едва заметный, – эмблематический поворот темы, введенный в научный оборот совсем недавно А.Е. Маховым [Махов, 2014; Махов, 2024].

Отношение эмблематики к тирану, как и к прочим сущностям из мира вещей¹, абсолютно прагматическое. Махов многократно подчеркивал, что большинство эмблематистов были университетскими преподавателями и эмблема служила им своего рода наглядным средством обучения; дидактическая функция часто оказывалась основной: «В эмблеме тема связана с функцией хотя бы уже в силу присущей эмблематике дидактической установки: эмблема, не забывая о *delectare*, преследует и цель *prodesse* – она “дает урок”. Но этот урок – разный в зависимости от адресата эмблемы. Различие в адресате диктует и различие в теме: хорошего правителя “воспитывает” политическая эмблема; хорошего христианина – эмблема христианская и т. п.» [Махов, 2014, с. 14].

По замечанию Махова, в эмблематике постоянно звучит «дидактический хор вещей»: в эмблематике «учат» все вещи – объекты неживого мира, растения, а в особенности, конечно, животные: «Весь этот комплекс осмысленных вещей обращен к человеку, призывает его определенным образом измениться, соответствовать тому уроку, который в вещах заложен. Значит, эмблематика содержит, помимо эксплицитно выраженного урока вещей, еще и имплицитный образ “желаемого”, идеального человека, в той или иной его ипостаси (идеальный государь, семьянин, любовник и т.п.)» [Махов, 2014, с. 55].

Сверхцель многих эмблематистов – воспитание идеального правителя. Были и специально адресованные будущим государям книги эмблем – например, сочинения Сааведры [Махов, 2024, с. 184]. Топика тирана – органическая часть топики правителя, в свою очередь входящей в общий фонд дидактических средств эмблематики. Тиран интересен как отрицательный пример; как то, чего в идеале быть не должно, – поэтому рядом с описанием бесчинств тирана мы часто находим «средство укрощения» бесчинствующего и длинный перечень видов возмездия.

¹ Квинтилиановская оппозиция “*res / verba*” является ключевой и для эмблематики: «...всякая речь состоит из того, что означается, и из того, что означает, то есть из вещей и слов» [Махов 2010, с. 37].

Эмблема не может похвастаться тематической новизной – да она к этому и не стремится. Дидактика держится на многократном повторении известных моральных истин. На уровне ЧТО их набор не слишком богат: свод моральных тезисов («должен / не должен») укладывается в ось «жестокость, произвол тирана – неминуемое наказание». Но чтобы общеизвестные тезисы (вроде «правитель быть справедливым и уметь защитить своих подданных») не наскучили, лучше запоминались, нужно разнообразие на уровне КАК: неожиданные риторические повороты, метафорическое разнообразие, парадоксы, комбинаторные изыски. И тут эмблематика не знает соперников. Именно уровень КАК и занимает Махова.

В первой книге диалогии Махов дает масштабное введение в мир эмблематики, в фундаментальной вступительной статье и 5 центуриях избранных эмблем рисунка бесконечность метафорических уподоблений и их комбинаторных соединений. Во второй книге он предлагает серию принципиально новых подходов к человеку в эмблематике: интерпретацию сквозь призму трех основных этосов (стоического, героического, прагматического); анализ аргументационной системы эмблематики (в том числе разных видов парадокса, рассмотренного как риторический прием) и ее комбинаторных возможностей (сферы действия четырех основных комбинаторных операций). Маховский универсальный метод анализа можно использовать и для создания эмблематического портрета тирана и его положительного антипода.

Слово «тиран» в диалогии встречается неоднократно, но гораздо чаще Махов использует слова «государь», «правитель», «хозяин»¹, рядом с которыми, как правило, ставит слова «подданные», «народ», «слуга». Парность, диалогическая ось (часто антитетическая) в основе любой маховской интерпретации². Из общего корпуса диалогии (почти 900 эмблем) я выбрала те, где речь идет о правителе вообще или (конкретнее) о тиране. При анализе ключевыми стали следующие пункты: метафорические зеркала, использованные для создания портрета; основные свойства персонажей (положительные и отрицательные; реальные и желательные); под-

¹ Многие темы являются общими и для «плохого», и для «хорошего» правителя – например, неожиданность нападения врагов, опасность малого и т.д.

² Тезис Августина о том, что антитезы – «прекраснейшие из украшений речи», что «посредством противопоставления противоположностей образуется красота мира (*contrariorum oppositione saeculi pulchritudo componitur*)», был очень близок Махову [Махов, 2025, с. 551].

стерегающие героя опасности (в том числе способы наказания тирана), отношения с подданными.

Эмблематика свободно и в любых комбинациях использует метафорику всего макрокосма: планет, стихий, вещей, растений. Но больше всего – зверей¹. «Бестиарное остранение» (формула моя. – О. Д.) позволяет представить практически любые изводы любой темы. Топика правителя не исключение.

Лев – самое главное и самое предсказуемое зеркало правителя. Не всегда рядом с именем льва в эмблематике стоят слова «царь», «правитель», «государь», но топика власти при упоминании этого зверя присутствует имплицитно. Как и мотив гнева. В русском языке и рифма сближает эти два слова. Но лев в эмблематике – как мы увидим далее – в большинстве случаев амбивалентен. Лев будет часто появляться на страницах этой статьи, но начнется «парад правителей» со зверя неожиданного, зато однозначно представляющего тирана.

Выдра на эмблеме И. Камерария «*Saevit in omnes. Свирепствует против всех*» «убивает больше рыбы, чем она способна упрятать в свой желудок. Так поступает и тиран, раздувшийся от злобного бешенства»². Выдра, «почувяв издали запах рыбы в пруду (*ex vivariis*), вторгается в него и всю ее раздирает (*in omnes saevit*), хотя не может всю сожрать... Она являет образ тираннической жестокости, которая, воодушевляясь лишь кровавым и нечестивым, враждебна всем, а в первую очередь устраняет добродетельных, выдающихся своей доблестью мужей; ибо, как пишет Цицерон..., в жизни тирана “нет месте дружбе” (Камерарий, комментарий к эмблеме)» [Махов, 2014, с. 215].

Синонимичным, но с применением другого метафорического кода, может служить описанный во втором томе пример Ф. Бэкона: «...тиран Периандр, желая показать вестнику, как сохранить новообретенную тиранию, срезает в саду самые высокие

¹ Необходимое терминологическое пояснение. В нашей с А.Е. Маховым «бестиарной школе» (9 бестиарных конференций, проведенных в 2011–2020 гг. в РГГУ, и коллективные монографии по их материалам, защищенные дипломы и диссертации, обилие ссылок позволяет, отбросив ложную скромность, употреблять эту формулу) слово «бестиарий» употребляется в отношении всех животных (как реальных, так и фантастических), а слово «звери» – в отношении абсолютно всех классов фауны. Рыбы, птицы, насекомые в нашей терминологии – звери.

² Я привожу только русские переводы подписей к эмблемам, сделанные Маховым. Тексты подписей на европейских языках доступны в двух томах маховской «Эмблематики».

цветы, что указывает на необходимость уничтожить или держать в приниженном состоянии высшую аристократию» [Махов, 2024, с. 179].

Эмблема с выдрой – редкий случай «чистого описания» тирана. Как правило, тиран показан во взаимодействии с окружающим миром, далеко не всегда приносящим тирану победу и благополучие.

Отношения с подданными – одна из главных составляющих топки правителя.

На эмблеме Б. Ано «Lukanthropia. Ликантропия» мы видим не правителя, а его свиту – волков в человеческих одеждах на пиру у государя. Придворные жестокого тирана стремятся быть под стать, а то и перешеголять хозяина в жестокости и лихости разгула: «[Вот] тиранническая свита, которая служит сладострастию и неотказыванию в роскоши тирана, бездельничающего и пожирающего свой народ во дворце своеволия. Они же [спутники тиранов] доставляют ему деньги, этот воспламенитель сладострастия, посредством обмана, грабежа, убийств, угнетения простых невинных подданных – овец, с которых сдирают шкуру. Разве они не хищные волки? Они более жестоки, чем волки! О, как человек вредит человеку! О, как верна пословица: “Человек человеку волк”» [Махов, 2014, с. 291]. Эти волки выступают метонимией своего хозяина. Возможна и интерпретация с помощью любимого Маховым аргумента *a fortiori*: если слуги так разнузданны и жестоки – то каков же должен быть их господин?

Параллелью к эмблеме о волках, подражающих своему правителю, может служить эмблема Г. де Ла Перьера, где с помощью винной метафоры недвусмысленно указывается на главную причину развращенности придворных. Разумеется, это сам правитель: «Кто дает вина больному горячкой, тот лишь разогревает его [больного] еще больше. Вино горячее: возбуждая жар, оно сильно вредит больному. Так не отличается мудростью и князь, который наделяет глупцов званиями и должностями. Ведь эти дары усиливают их зловерность: чем выше их звание, тем больше у них возможности совершать злодеяния во вред обществу» [Махов, 2014, с. 206].

Как укротить гнев тирана? Кроме животных, здесь могут помочь умело использованные вещи, стихии и чувства. Часто ве-

щи и стихии в эмблематике служат знаками мудрости, моральной высоты, побеждающей проявления низких страстей¹.

На эмблеме А. Юния «*Irae malagma philosophia*. Философия – мягчительное средство от гнева» лвиный гнев утихомиряет огонь (выступающий знаком мудрости); лев бежит от горящего факела: «Африканский лев боится лишь изрыгающего пламя факела, которым останавливается дикое безумство. Неистовую душу утихомят либо светоносные факелы небесной мудрости, либо страх наказания» [Махов, 2014, с. 243].

Знаком мудрости выступает и накинутый на голову льва платок – как в эмблеме И. Камерария «*Iram prudentia vincit*. Гнев побеждается мудростью» [Махов, 2014, с. 244]. Простое завязывание льву глаз – как на эмблеме Х. де Ороско-и-Коваррубаса «Лев с завязанными глазами» – расценивается эмблематикой в том же ключе: «Ярость и свирепость льва исчезают, когда удается закрыть ему лицо: с завязанными глазами он становится как ягненок. Говорят, что подобным образом удается ослабить независимость судьи, самого жестокого и кровожадного: ведь когда повязка симпатии или расположения ослепит его, он простирается на земле» [Махов, 2014, с. 244].

Самым верным средством победить тирана считается в эмблематике любовь². Мотив приручения льва Амуром очень давний, восходящий к Греческой антологии [Махов, 2014, с. 246]. На эмблеме А. Альчиато «*Potentissimus affectus amor*. Любовь – мощнейшее чувство» слепой Амур (кстати, умеющий набросить повязку и на глаза льву – как на эмблеме Я. Катса «*Captis oculis, capitur bellua*. Завладев глазами, завладеешь [всем] зверем» [Махов, 2014, с. 246]) правит повозкой, в которую запряжены два льва. Подпись гласит: «Посмотри, как Амур, возникший, вырезанный на драгоценном камне, побеждает непобедимую силу льва; как в одной руке он держит хлыст, а другой управляет поводьями; какая красота присуща его лицу. Да минует [нас] страшная напасть: тот, кто способен победить такого зверя, отведет ли свою руку от нас?» [Махов, 2014, с. 246]. То, что львов двое, особенно важно. Лев – правитель, государь; нивелирующее множественное число не для него. А тут два льва послушно бегут в одной повозке – большей

¹ Это очередная иллюстрация проявления *significatio rerum*, о котором Махов писал многократно.

² Хотя любви покорны не только тираны, но и самые мудрые правители – и мы увидим это из примеров.

грамматической убедительности победы Амура трудно представить.

Трудно удержаться и не привести абсолютно эмблематическую притчу графа Д.И. Хвостова – где победа любви надо львом приводит к совсем трагическому финалу¹. В притче «Лев и невеста» лев влюбился в некую девицу, отец которой «умней был льва» и потребовал от потенциального жениха многих жертв – и вот чем это кончилось:

Царь лев, случась у ней (любви. – О. Д.) в оковах строгих,
Согласен был на все: позволил как глупец
И когти срезать с лап, и вырвать зубы...
И стал он наконец
Как крепость без солдат, без пуль и без снаряду
И назывался львом лишь для обряду.
Рот львов
Не страшен без зубов,
А лапы без когтей. – С смычок собак спустили
До смерти жениха легко приколотили

[Хвостов, 1802, с. 19].

Об опасности гибели от любви предупреждает правителя и эмблема И. Камерария «Semper ardentius. Всё жарче». Любовь символизирует ядовитая змея дипсада, кусающая царственного орла. Здесь налицо игра с грамматическим родом и полом животного: в надписи эмблемы фигурирует орел, а в подписи – орлица: «Царицу пернатых убивает дипсада. Так жар любви, распалая душу, принесет тебе погибель» [Махов, 2014, с. 452].

На эмблеме А. Юния лев пожирает мартышку; для него это лекарство: «Если больному льву ничто не приносит облегчения, единственное лекарство для него – съесть обезьяну... Единственная болезнь, которой он [лев] страдает, – это потеря аппетита, от которой его лечат оскорблением, помещая рядом с ним обезьян,

¹ Привлечение хвостовских сочинений в статье о маховской эмблематике абсолютно логично и естественно: ведь именно Махов, автор первой и до сих пор непревзойденной статьи о поэтике Хвостова, начал тему связи хвостовского творчества с эмблематикой и на конкретных примерах показал действие многих эмблематических принципов в притчах: [Махов, 1999].

разнузданность которых приводит его в ярость. Их кровь, отведенная им, и служит лекарством» [Махов, 2014, с. 252].

Кажется, лев здесь – несомненный тиран, для собственного исцеления лишающий подданных жизни. Но ведь маргышка, мягко говоря, заслужила кару своим вызывающим поведением. К тому же эмблема называется «*Adulator salutis reipublicae gravis*. Лстец вредит благополучию государства». «Несчастливая жертва» маргышка оказывается лстецом, чья вредоносность не вызывает сомнений: «В связи с “вредоносным ядом” лстецов – ср. характеристику лстецов у Алана Лилльского: “Внешне они, с невинными лицами, рукоплещут, изнутри же ранят жалом скорпиона”» [Махов, 2014, с. 251]. А лев при таком раскладе оказывается мудрым правителем, избавляющим двор от вредного элемента. Это один из многочисленных примеров, когда гнев и жестокость льва эмблематика толкует в пользу царя зверей.

На эмблеме Н. Ройснера «*Cede majori*. Уступи более сильному» зайцы неосмотрительно играют вокруг спящего льва. Кто будет виноват – если проснувшийся лев передавит их? Эмблематика отвечает без сомнений: сами зайцы: «Зачем вы, зайцы, угрожаете зубами спящему льву? Лев, если не убежите, задавит вас одним когтем». В комментарии Махов связывает эту эмблему с кругом эмблем, посвященных отношению к тирану после кончины: «Ср. сообщение Уильяма Драммонда (Drummond) об эмблемах, которыми королева Мария Шотландская (Мария Стюарт) расшила постель сына – будущего короля Якова: среди них фигурирует “эмблема со львом, попавшим в сеть, и зайцами, бесстыдно переступающими через него; девиз – “И зайцы глумятся над побежденным львом» (*Et lepores devicto insultant Leone*)”» [Махов, 2014, с. 155]¹.

По аргументу взаимности, мертвый тиран доступен для издевательств самым низким и ничтожным из подданных. Например, на эмблеме Н. Ройснера «*Cum larvis luctari nefas*. Сражаться с призраками нечестиво» изображен лев, по которому скачут зайцы. Безусловно, главная мысль эмблемы – осуждение осквернителей памяти: «Поскольку человек смертен, умерших не подобает оскорблять ни устной, ни письменной бранью. Смертный Тезей, памятующий о своем [смертном] уделе, омыл, уложил в гроб и предал земле кости своих [родных]. Слаб духом тот, кто ведет войну с призраками [умерших] и глумится над доблестными му-

¹ В русской поэзии существует мотив осла, лягающего умирающего льва – см.: «Родословная моего героя» А.С. Пушкина, «Лев и Осел» Д.И. Хвостова.

жами после их смерти. Так всякий обозный маркитант, превзойденный великой силой Ахилла, метит своими стрелами в Гектора; так щенки кусают убитого льва; так всякий окунает свои стрелы в кровь убитого кабана. Да сохраняют [от этого] боги! Заслугам подobaет воздавать добрым словом; великий грех – осквернять святые могилы» [Махов, 2014, с. 252]. Но фоном присутствует и мотив отмщения тирану, при жизни этих подданных угнетавшему.

Как видно из примеров, для воспитания отвращения к тирану эмблематика прибегает к комбинаторной игре с различными метафорическими кодами.

Комбинаторными средствами создается в эмблематике и образ идеального правителя. «О ты, который сочетал» – эта пушкинская строчка очень точно отражает главный принцип создания портрета образцового государя. Вообще правитель в эмблематике – ходячий оксюморон¹: он должен сочетать в себе противоположное, несочетаемое.

Приведем несколько комбинаций, рекомендованных эмблематикой для образцового правителя. В большинстве из них вполне предсказуемо присутствует лев.

Лев и вол – как на эмблеме Себастиана Коваррубиаса Ороско «Imperat ut serviat. Царит, чтобы служить»: «Как вы думаете, что значит править? Изнемогать под бременем обязанностей, работать день и ночь. И когда вы едите или пьете, он [властитель] не позволяет себе ни есть, ни пить; он должен бодрствовать. Король наполнил лев, дикий и ужасный, перед которым трепещет весь мир; но ниже пояса он смиренный вол, рожденный для ярма и для работы» [Махов, 2014, с. 137]. Во втором томе Махов возвращается к этой эмблеме (вообще одной из самых его любимых), интерпретируя ее теперь как иллюстрацию героического этоса в его смягченном варианте: государь не гибнет, но изнемогает под бременем непосильного, поистине рабского труда [Махов, 2024, с. 45].

Лев и лиса должны быть на поводке у государя – как на эмблеме Ла Перьера: «Душой и статью лев силен и могуч, благороден, доблестен и храбр. От природы своей лиса везде бывает ловка и лукава. Властитель должен уподобиться им обоим, если он хочет побеждать на море и на земле. Достигнув этого, он сможет снискать великую славу и заслужить несравненные почести. Истинный полководец, он силой должен быть как лев, а умом – как лисица» [Махов, 2014, с. 147].

¹ Махову, скорее всего, понравилось бы такое риторическое определение.

Лев и змея. На эмблеме И. Камерария «Nihil decentius. Нет ничего более достойного» изображен лев, повязавший голову змеей. «Если предусмотрительная мудрость помогает мужественной деснице, скажи, что может быть прекрасней?» – гласит подпись. Соединяя льва как символ мужества (fortitudo) и змею как символ мудрости (prudentia), Камерарий в комментарии к эмблеме «ссылается на “венедианского вельможу” Альберто Бадуарио (Albertus Baduarius), который “посредством льва с обмотанной вокруг шеи змеей хотел показать, что сила всегда должна соединяться с мудростью”» [Махов, 2014, с. 149].

Лев и заяц. Это вообще очень частое сочетание в эмблематике – вероятно, по причине затрагивания крайних точек оси оппозиции: сила, храбрость (лев) – слабость и, как следствие, трусость (заяц). В эмблеме С. де Коваррубиаса Ороско «Pervigilant ambo. Бодрствуют оба» лев и заяц – правитель и самый незащитный подданный – соединены по принципу сна с открытыми глазами: «Смелый и благородный лев бодрствует день и ночь, не закрывая глаз, – знаменитый символ и иероглиф того, кто управляет [государством] в своем высшем единовластии. Заяц, пугливое животное, бодрствует по причине своей трусости. Но и заяц может спать, и ягненок может спать, когда лев бодрствует, чтобы их охранять» [Махов, 2014, с. 254].

Собака и заяц. Эти звери – природные враги, но эмблематика учит государя извлекать пользу и из отрицательных качеств своих подданных, в том числе из вражды. На эмблеме Г. де ла Перьера собака и заяц держат корону, символизируя соединение страха и любви: «Государь... должен... если хочет сохранить свой скипетр и корону, сделать так, чтобы люди боялись его и любили. Заяц боится, пес способен на большую любовь. Враги, они заключают прочный мир; страх и любовь сохраняют королю его положение. Заяц и псы поддерживают короны» [Махов, 2014, с. 254].

Часто звери выступают в соединении с вещами, что лишний раз подчеркивает единство мира в эмблематике, отраженность всего во всем.

Примером может служить пара *дельфин и якорь*, символизирующая необходимые государю соединение заботы с устойчивостью, с эмблемы А. Альчиато – «Princeps subditorum incolumitatem procurans. Государь, защищающий подданных от несчастья», где картинке изображен дельфин, обвивший хвостом якорь: «Дельфин, заботливый к людям, обвивает якорь хвостом, чтобы он мог прочнее закрепиться на дне. Весьма подобает носить этот знак госуда-

рям, помнящим, что для народа государь – как якорь для мореплавателей» [Махов, 2014, с. 254]¹.

Урок умения сочетать противоположные качества правителю дают не только животные, но и стихии.

В эмблеме Н. Таурелла «*Idemque extinguit, et auget*. Одно и то же и ослабляет, и усиливает» дуновение раздувает огонь и охлаждает пищу: «Дуновение, которое раздувает в углях угасающий огонь, таким же образом остужает горячую пищу. Такова и искусность хорошего властителя: сам один и тот же, он с разными [людьми] должен быть то мягок, то строг» [Махов, 2014, с. 166].

«Каким должен быть хороший правитель» – один из ключевых мотивов рассматриваемой топики.

Прежде всего, сильным.

На эмблеме И. Камерария «*Cominus et eminus*. И в ближнем, и в дальнем [бою]» дикобраз, над которым парит корона, символизирует способность правителя вести самые разные военные действия: «Подобно тому как дикобраз может сражаться своими копиями и в ближнем, и в дальнем бою, доблестный государь да будет могуществен и в войне, и в совете»² [Махов, 2014, с. 324].

Государь должен защищать своих подданных. На эмблеме И. Камерария «*Quo mollius eo suavius*. Чем легче [прикосновение], тем приятнее» видим неожиданное сочетание базилика и скорпиона. Оказывается, дело в силе их взаимодействия: «О царь, чтобы народ выполнял свой долг, не угнетай его чрезмерно – чтобы листья базилика благоухали сладостней, не растирай их». В комментарии Махов напоминает историю о герцоге Милана, не желавшем подписать с Генуэзской республикой выгодный для нее договор и отпустить ее посла с миром, получил от посла «пучок травы базилика». Объяснение посла было таким: «Таково свойство этой травы, что если коснуться ее легко и нежно, то она издаст приятный запах, если же сжать ее сильно и растереть, то она не только поте-

¹ Невозможно не отметить – хотя бы в сноске – как внимателен Махов к механизму переноса семантики. Пошагово проанализировав движение смысла между дельфином, якорем и государем (государь – ожидаемо – дельфин), он с явным удовольствием замечает: «Ожидание вновь нарушено... Государь – якорь; дельфин в теме аналогии оказывается “не у дел”» [Махов, 2014, с. 406].

² Амбивалентности дикобраза (как бестиарного учителя воинов и государей, которого избрал своим девизом Людовик XII, – и в то же время низкого, «невеличавого» зверя, напоминающего свинью) и связанным с этой двусмысленностью урокам посвящены рассуждения Махова: [Махов, 2014, с. 111–112].

ряет всякую сладостность, но в конце концов породит и скорпионов...». Герцог понял намек [Махов, 2014, с. 228].

Пеликан являет пример героического самопожертвования. На эмблеме А. Юния «*Quod in te est, pro me. Извлеки то, что есть в тебе*» пеликан питает птенцов собственной кровью [Махов 2014, с. 472]. Так должен поступать и хороший правитель.

Защищать подданных от несчастья учит и дельфин. На эмблеме Б. Ано «*Res publica. Государство*» дельфины (морские разбойники, превращенные в дельфинов Вакхом) правят кораблем и плавают вокруг него: «*Воззри на превращенных в дельфинов мореходов в их корабле, обвитом виноградной листвою! Одни направляют неповоротливый корабль веслами и искусством; другие, низвергнувшиеся [в воду], плавают в темном потоке. На корме сидит Бог, которому молитвенно поклоняется один [из мореходов]; по скамье для гребцов бегают различные животные.*

Этот образ обозначает наилучшее государство, вокруг которого бурлит множество видов деятельности: так, церковь просит милость у Бога, обитающего в высях, а знатные правят городом по-своему. Им надлежит быть человеколюбивыми, как дельфины, любить граждан просто-таки как собственную родню и без колебаний бросаться навстречу величайшим опасностям, чтобы государство было свободно от рабства. Когда с городом пребудут человеколюбцы и служители богов, в нем не будет тирании» [Махов, 2014, с. 412].

Для обозначения силы образцового правителя используется и звездная метафорика. На эмблеме И. Камерария «*Nos oriente fugor. С его восходом обращаюсь в бегство*» государь сравнивается с Сириусом, от восхода которого убегает волк: «*Кто сможет вынести дымящийся скипетр пламенеющего государя? Так Сириус обращает в бегство золотых волков*». Комментарий Махова: «*Это сравнение “можно применить к какому-либо великому государю, с приходом которого всякие мелкие властители (Reguli), несправедливо обращавшиеся с подданными, боясь его [государя] гнева и власти, собираются ускользнуть в другие края”*» [Махов, 2014, с. 292].

Но если подданные непослушны, государь может применить силу и к ним. На эмблеме Я. Брука «*Fortem vis fortior urget. Сильного принудит бóльшая сила*» человек укрощает медведя: «*Посмотри, как повинуется мальчику неуступчивый медведь, которого тот ведет за пронзенные ноздри. Так и государь может сковать узами*

законов необузданный народ, когда тот буйствует» [Махов, 2014, с. 289].

Кроме силы, правитель должен иметь в своем арсенале милосердие, «милость к падшим» (Пушкин). Этот тезис иллюстрируется неоднократно.

На эмблеме И. Камерария «*Mansuetis grandia cedunt*. Сильные уступают кротким» слон уступает дорогу ягнтям. Подпись откровенно призывает учиться у слона: «Проходя мимо, слон не причиняет вреда мелким животным. Милосердный государь пусть подражает тому, чем обладает этот [слон]» [Махов, 2014, с. 270].

Эмблема А. Альчиато так и называется – «*Principis clementia*. Милосердие государя». Здесь урок дает пчелиная матка: «Царь пчел никогда не убивает жалом, хотя размером тела вдвое превосходит других [пчел]. Этим показаны милосердное правление, умеренная власть и священство законов, вверенных добродетельным судьям» [Махов, 2014, с. 541].

Милосердию учит и сокол. На эмблеме И. Камерария «*Fidem servabo genusque*. Сохраню верность и [высокий] род» сокол утром отпускает на свободу птицу, которая согрела его ночью: «Сокол не убивает птицу, которую держал ночью. Так благородный дух должен сохранять верность». В комментарии Махов показывает противоречивость интерпретаций: «Представление о хищной птице как тиране в отношении своих подданных (т.е. других птиц) выражено у Алана Лилльского: коршун “с яростью тирана требует дани от своих подданных (Плач природы. Col. 435). Эмблема, напротив, демонстрирует великодушие хищной птицы. Со ссылкой на “Историю северных народов” Олафа Великого Камерарий рассказывает в комментарии, как сокол, “птица благороднейшая”, “держал всю ночь [рядом с собой] некую [другую] птицу, дабы она грела его своим естественным теплом в жесточайшем холоде, бывающем в этих местностях, а утром отпустил ее невредимой”. Благородный дух подтверждает свою верность себе, когда “щадит тех, кто ниже его”» [Махов, 2014, с. 456].

Мудрость в эмблематике относится к числу важнейших для правителя качеств. Мудрости тоже учат звери.

Например, змея. Эмблема И. Камерария «*His ducibus*. Под их предводительством», изображающая змею с лавровым листом в пасти, советует государю: «Мудрый, как змея, но также и суровый, воздымай меч – и, прославившись, будешь нести лавровый венец». В комментарии Камерарий приводит слова Сенеки: «...властитель должен умерять свою строгость мудростью и милосердием, ибо

“для государя частые казни не меньший позор, чем для врача – частые похороны”» [Махов, 2014, с. 270].

Орел, наряду со львом, самый частый символ правителя, тоже учит мудрости. На эмблеме И. Камерария «*Dominus providebit. Господь усмотрит*» представлен орел на земном шаре. «Предвидение в равной мере и радостного, и печального [поворота] судьбы – вот добродетель, которая в первую очередь достойна государя» [Махов, 2014, с. 446].

Проявлением мудрости является и бдительность, умение предвидеть опасности и заблаговременно принять меры предосторожности. Этому учит, например, вепрь, натирающийся смолой при приближении опасности на эмблеме Я. Брука «*Prævisa minus nocent. Предвиденное меньше вредит*»¹. Тонкий слух предупредил зверя о шагах врага: «Так он напоминает государю, чтобы тот заранее предвидел опасности» [Махов, 2014, с. 317].

Милость государя должна проявляться даже в мелочах: справедливый государь не должен оставить без вознаграждения ни одно, даже самое мелкое доброе дело своих подданных. Эмблематика в этом случае трактует государя как метонимию Фортуны – как, например, в эмблеме Я. Брука «*Sorte non pondere* (Благодаря случаю, а не весу)», где представлены весы, на одной чаше которых лежит тяжелый мешок, на другой перо. И перышко перевешивает: «Это весы для важных персон. Если ты выполняешь тысячу обязанностей, но вызвал бы однажды чье-то неудовольствие, – твои достижения не стоят ничего. Кто хочет получать за свои заслуги достойное вознаграждение, пусть всегда будет терпелив к задержкам [оплаты]; и терпеливо делай то, что тебе должно делать. Ведь разумный государь не забудет справедливо воздать за сделанное, и легкий ветерок не изменит его благорасположения» [Махов, 2024, с. 159].

Государь должен проявлять милосердие не только к своим подданным, но и к чужестранцам. Здесь примером может служить волчица в короне с эмблемы И. Камерария «*Sua alienaque nutrit. Вскармливает своих и чужих*», своими набухшими сосками питающая чужих детенышей: «Государь вскармливает не только [своих] граждан, но и иноземцев, подобно тому как волчица [выкармливает] приплод от других зверей». Махов приводит комментарий

¹ Как показывает Махов, ничего зазорного в том, чтобы государю учиться у «низких» зверей (например, у вепря – т.е. у свиньи) нет; абсолютно вся природа способна учить человека.

Камерария, повествующий о венгерском короле, который в качестве эмблемы носил изображение волчицы с набухшими сосцами; девиз этой эмблемы гласил: «Sua alienaque pignora nutrit (Питает своих и чужих близких)». Этим он хотел сказать, что милостиво принимает и тех, кто был ему враждебен¹ [Махов, 2014, с. 290].

И снова эмблематика настаивает на умении сочетать – силу с мудростью и милосердием

На эмблеме П. Кусто «Leo, contra immoderate agentes in rebus secundis. Лев, против тех, кто в благоприятных обстоятельствах проявляет неумеренность» лев щадит поверженного противника: «Неистовый лев щадит поверженных, но когда видит тех, кто вооруженной рукой поднимает копьё, то раздирает их зубами» [Махов, 2014, с. 240].

Надпись к эмблеме Ж. Коррозе звучит так: «Pardonnez aux humbles, et guerroyez les orgueilleux. Миловать смиренных и войной идти на горделивых». В стихотворном комментарии к эмблеме Коррозе поясняет: «Моя маленькая собачка повинуется мне; меня побеждает и подчиняет лев, я предаю себя его могущественной воле, как повинующийся вассал, и он, видя мою природную доброту, оставляет меня с миром и прощает во всем...». Однако льва захватывает в когти грифон, и «чем больше первый пытается освободиться, тем крепче второй держит его в своих острых когтях». Мораль такова: «Если к простодушному следует проявлять кротость, то с жестоким обидчиком нужно вести битву и войну, ибо иначе его не победить» [Махов, 2014, с. 242].

Отношение к врагам – важная тема в деле воспитания правителя.

Для преподнесения правителю тактических уроков используется огненная метафорика – как, например, на эмблеме Я. Брука «Ex te consilium. План действий по обстоятельствам», где изображен сильный огонь, который уже нельзя скрыть, и дан совет правителю.: «Напрасно пытаешься скрыть уже горящий огонь, который блистающее пламя выдает своим светом. Напрасно, властитель, осуществляешь план, известный врагу: откажись от него и попробуй новую хитрость» [Махов, 2014, с. 167].

У правителя много скрытых врагов.

На эмблеме Ж. де Монтене «Sic vivo. Так живу» филин палкой гасит лампу, чтобы достать из нее масло и полакомиться им:

¹ Как не вспомнить мотив охвата «и ближних, и дальних» в эмблеме о динозавре.

«Этот филин, который ненавидит всякий свет, посредством чужой руки – чтобы самому не оказаться на свету – хочет потушить светильник, дабы затем достать [из него] масло и выпить его. Таким же образом Антихрист замышляет посредством государей погасить цветущее Царство Христа, живой и целокупный свет, чтобы потом поглотить невинного» [Махов, 2014, с. 527].

Льстец – из числа самых опасных.

Г. Ла Перьер на эмблеме «Вороны пожирают труп» представляет льстецов в образе ворон: «Придворные льстецы своими красивыми фразами приносят больше вреда, чем вороны: ибо льстец пожирает живые тела, лукаво произнося милые и красивые речи, ворон же ищет [урвать] свои куски лишь у трупов и смердящей падали. Лживый льстец всегда захватывает живого, чтобы в конце концов сделать его бедным и слабым. Такой болтовни, такой притворной личины должен остерегаться добродетельный и мудрый властитель» [Махов, 2014, с. 517].

К уже рассмотренным бестиарным обличьям льстеца во втором томе добавляется осьминог, с его способностью менять цвета и приспосабливаться к окружающим (как в эмблеме Хольцварта «Assentator. Льстец» [Махов, 2024, с. 53]) и птицелов, способный голосом подражать множеству музыкальных инструментов – как в эмблеме Ла Перьера: «Когда птицелов хочет поймать много птиц, он притворно меняет свой голос, изображая какой-нибудь музыкальный инструмент, на звук которого к нему слетаются птицы: так он легко их ловит. Придворные льстецы поступают так же, чтобы завлечь государей в свои силки, ибо, чтобы им понравиться и доставить удовольствие, они сто раз на дню меняют манеру поведения. Но когда государь, сетуя, приходит к пониманию, бывает уже поздно» [Махов, 2024, с. 60]

На эмблеме Сааведры с надписью «Fide et diffide. Доверяй и не доверяй» изображены две руки, выступающие из облаков навстречу друг другу: «...одна явно хочет рукопожатия, но вторая – ладонь с глазом посередине! – с этим рукопожатием медлит: государь (а эмблемы Сааведры предназначены служить наставлением именно ему) должен быть избирателен в выборе своих ближних» [Махов, 2024, с. 184].

Необходимость правителю сохранять свое положение, не опускаться до низших, не иметь склонности к неподобающим вещам иллюстрирует эмблема Я. Брука «Intuta quae indecora. Неподобающее небезопасно», где ситуация представлена парой птиц: орла и совы. Каждый из них имеет свою сферу: орел не может ло-

вить мух, сова не может смотреть на солнце. Мораль эмблемы: «Ночной птице не подобает устремлять взор к солнцу, а орлу – когтем досягать легковесных мух. Судьба, Добродетель, Природа Правителей – вещи, чуждые толпе. Им [и правителям, и простым людям] опасно переступать собственные границы: частному человеку не подобает подражать образу жизни королей, а им [королям] не пристало иметь склонность к обыденным вещам. Высокий дух в благородном теле пусть стремится к высокому – простой народ пусть ищет простого и пускает его в ход». Махов приводит комментарий Я. Брука: «Этой эмблемой я хотел выразить различие между устремлениями и деяниями государя и частного человека. Орел обозначает величие государей, их ревностное к своим делам усердие... Подобно тому как орлу менее всего подобает ловить мух или охотиться за мышами... так и государю не пристало стремиться к обыденному и предаваться душой низменным, не достойным такого величия делам». Обычные же люди, напротив, не способны воспринять свет подлинного величия и потому подобны сове. Простым людям не подобает устремляться к делам государя; государям – к низким помышлениям простых людей; «и для тех и для других это опасно и позорно». [Махов, 2014, с. 451].

Но в эмблематике всегда «возможен ход обратный» (В. Высоцкий); она предоставляет и прямо противоположную точку зрения на проблему. Вот примеры, где эмблематика советует государю уметь консолидироваться с подданными, показывать, что он разделяет их интересы. Кроме силы и твердости, есть и другой путь к сердцу народа. Махов называет его принципом мягкой силы, мягкого поведения [Махов, 2024, с. 80].

На эмблеме Я. Брука «*Gratior existit*. [Так] его больше любят» изображен пустой трон и небрежно брошенный скипетр; на заднем плане несколько людей играют в мяч. Государь – один из играющих: он оставил трон, чтобы присоединиться к забаве своих подданных. Подпись поясняет: «Искусный государь то кладет, то [вновь] берет оружие и знаки власти: как частное лицо он пробует радости обычных людей. Он умеет действовать по обстоятельствам и радуется, что может таким способом привлечь к себе народную любовь» [Махов, 2024, с. 81].

На эмблеме Ла Перьера «Нужно утихомиривать ярость народа не угрозой, но ласковыми речами» на втором плане мы видим музыканта, играющего на лютне, на первом – государя, который с весьма приветливым выражением лица обращается к вооруженным подданным, похоже, готовым к бунту. Подпись поясняет:

«Подобно тому как лютня больше смягчает сердце своей нежностью, чем страшным шумом, нужно утихомиривать ярость народа не угрозой, но ласковыми речами» [Махов, 2024, с. 84].

Государь должен уметь трезво оценивать своих подданных. Эмблема Д. де Сааведры Фахардо «Mas que en la tierra posivo schädlicher als auf der erde вредоносней, чем на земле» проводит эту мысль очень неожиданным способом – при помощи метафоричности скорпиона (насекомого и созвездия): «Хотя скорпион перенесен на небо и причислен к звездам, он сохраняет свою вредоносность; более того, она становится намного сильнее, чем когда он пребывал на земле. Теперь его отравленная сила и власть простирается по земле дальше и шире. Государь должны хорошенько взвешивать свойства и дарования подданных, прежде чем возвышать их до высоких должностей и почестей, ибо от такого возвышения [личные] пристрастия и природные пороки возрастают изо дня в день...»¹ [Махов, 2014, с. 478].

Сила – необходимое качество властителя. Но и самым сильным правителям может угрожать опасность. Она может происходить от крупных созданий – например, кита, как на эмблеме И. Камерария «His artibus такими ухищрениями», где кит символизирует опасность для корабля. Совет капитану (и государю) в этом случае: «Чтобы спасти себя, корабль и товарищей по опасности – бросай всё добро в море». Киты так огромны, что могут опрокидывать корабли. Корабельщики для спасения корабля бросают в море просмоленные бочки. Символом сброшенной с корабля в минуту опасности бочки пользовался герцог Морис Саксонский. «Мудрейший государь тем самым хотел дать понять, что надо не опрометчиво бросаться на более сильных [противников], но обманывать их, если уж не можешь ни разгромить их силы, ни уклониться от них», – цитирует Махов комментарий Камерария. Рассматривая этот пример в разделе, посвященном прагматическому этосу, Махов замечает: «Этот символ учит еще и тому, что “перед лицом великой опасности вполне достойно думать о [своем] спасении, а дело сохранения жизни важнее сохранения имущества”» [Махов, 2014, с. 405].

¹ Нельзя не увидеть связь с ранее описанными эмблемами о волках на трапезе у правителя и вине, неразумно предоставляемом правителем неразумным подданным.

Часто опасность происходит от совсем мелких, «ничтожных»¹.

Любимая тема эмблематики – безотчетный страх сильных перед слабыми. Лев убегает от горящего факела у разных эмблематистов, и не всегда потому, что этот факел символизирует мудрость. Часто и просто потому – что боится огня, как и любой человек. Как, например, на эмблеме И. Камерария «*Magnos vana fugant*. Пустяки обращают в бегство сильных». Эмблематисту важно подчеркнуть, что и самый могущественный государь – такой же смертный, подверженный всем человеческим страхам. «Нет такого могущества, которое не было бы чуждо страху. Так вспльчивый лев робеет враждебного огня» [Махов, 2014, с. 250].

А на эмблеме Ф. Схонховена «*A minimis quoque sibi timendum*. И ничтожных надо опасаться» сильный лев боится комара: «Смотри: я шествую по всему миру и навожу ужас на всех – трепещу же лишь ужасного жала комара. Не доверяй своим силам: ведь и ничтожные, хотя ты и не веришь в это, обладают тем, от чего мы можем погибнуть» [Махов, 2014, с. 251].

На эмблеме А. Альчиато «*A minimis quoque timendum* и малых надо опасаться» способность ничтожного существа подняться до трона государя и причинить ему ущерб показана на примере орла и жука: «Жук пошел войной [на орла] и сам бросил вызов врагу. Уступая ему в силе, он превосходил его хитроумием: тайно спрятавшись в перьях орла, чтобы незаметным достичь, пролетев через звездные выси, вражеского гнезда. Пронзив [орлиные] яйца, он положил конец надежде на возрастание потомства. Отмстив таким образом за навлеченное бесчестье, [жук] удалился» [Махов, 2014, с. 447].

Ситуация отношений сильного и слабого в эмблеме Я. Брука «*Nabet et pilus umbram*. И волос отбрасывает тень» дана на примере человека и мыши: «Государю никогда не стоит пренебрегать и совсем ничтожным врагом: порой малое вредит великим. Сильный пусть никогда не подстрекает бессильного оружием. Мышь, укусив за палец, вышла свободной из темницы» [Махов, 2014, с. 287].

Эмблематика с помощью bestiарных зеркал наглядно показывает, что тиран силен и жесток с теми, кто слабее; но легко мо-

¹ Эмблемы, представленные в этом разделе, отличаются от описанных выше, где шла речь о мести тиранам. Здесь речь именно о ничем не объяснимых фобиях, которым подвержены в равной степени и справедливые правители, и тираны.

жет быть побежден не только более сильным противником, но даже и совсем слабым и «ничтожным»¹.

Опасность «маленького» в социальном смысле тоже важна в эмблематике: слуги, подчиненные, наемники обладают «силой» в том смысле, что могут предать в самый неподходящий момент и погубить «большое» – своего государя или хозяина [Махов, 2014, с. 137].

На эмблеме Камерария «*Ingenua marmora findit* (Раскалывает огромные мраморы)» изображено фиговое дерево, раскалывающее мраморную гробницу. В комментарии эмблематист рассказывает историю о том, как герцог Бургундии Карл Смелый в приступе гнева дал пощечину графу Николо Кампобассо; тот, затаив обиду, «молча искал повод отомстить» и в конце концов предал герцога в битве при Нанси (1477), в ходе которой Карл был убит. После этого граф якобы «носил на своем знамени» изображение фигового дерева, расколовшего мраморный монумент, а в качестве девиза избрал видоизмененную строку Марциала: «*Ingenua marmora findit carificus*». Фиг, расколовший мрамор, – еще одна метафора торжества «малого» над «большим» [Махов 2014, с. 137]. В этот раз растительная.

Много внимания уделяет эмблематика личной безопасности правителя, разнообразным угрозам его жизни (если угроза заслужена – ее можно отнести к разделу возмездия тирану; если беда постигла «хорошего» правителя – вступает в права мотив всевластия судьбы, уравнивающей государей с самым низким слугой).

Тиран никогда не может быть спокоен за свою жизнь. «*Nusquam tuta tyrannis*. Тирания никогда не пребывает в безопасности» – так звучит надпись к эмблеме И. Камерария. И самое главное: возмездие тирану часто приходит неожиданно: «Принести гибель тирану поспешит тот, от кого этого меньше всего ждут: так тебе, крокодил, погибель – мангуста. Ихневмон (мангуста) – непримиримый враг крокодила и змей; отправляясь в битву с ними, он вываливается в грязи, а затем высушивается на солнце: панцирь из сухой грязи защищает его от укусов» [Махов, 2014, с. 399].

¹ Любимая тема Махова – о силе слабых, о необходимости считаться с ними и не пренебрегать – здесь взята с другой стороны: со стороны слабости сильного перед лицом «мелкого» и «ничтожного». Относительность и комбинаторная подвижность всех вещей в эмблематике, о которых Махов писал постоянно, проявляют себя на каждом шагу.

Мотив взаимного уничтожения тиранов, пожирания одной гадины другой очень популярен в эмблематике. Так, на эмблеме И. Камерария «*Dira diris rascuntur. Отвратительное питается отвратительным*» гадюка поглощает скорпиона: «Не удивительно, что гнусная гадюка умерщвляет укусом; ты ведь только посмотри, какому яству она радуется!». Комментарий А.Е. Махова: «Идея эмблемы – дурное усиливается от дурного: “жестокие люди, от природы созданные для тиранства (*natura facti ad tyrannidem*), становятся еще злобнее, если к из врожденной природной склонности добавляется извращенное постыдное воспитание...”» [Махов, 2014, с. 396].

Знает эмблематика и тему ложного правителя, самозванца – и его разоблачения. На эмблеме Ю.В. Цинкгрефа «*Claro sese deformat amictu. И в прекрасных одеяниях безобразен*» изображена обезьяна в царских одеждах. Но этот маскарад никого не может обмануть: «Твои шелка, княжеское одеяние не делают тебя красивее. Ты останешься обезьяной, павианом, даже если будешь их напяливать по девять раз на дню» [Махов, 2014, с. 281].

Махов выделяет в эмблематике стабильные пары.

Особый интерес для эмблематистов представляет пара «тиран (правитель) / философ, ученый. Махов показывает, что отношения этой пары в системе ценностей разных этосов выглядят совершенно по-разному.

Тиран в стоическом этосе важен как функция: как способ проверки добродетели героя эмблемы.

Например, на эмблеме П. Кусто «*In Anaxarchum. Dolor non est malum. Об Анаксархе. Боль не есть зло*» изображен философ Анаксарх, которого растирают в ступе по приказу тирана. Разумеется, образ тирана здесь может быть трактован однозначно негативно, да он и не важен. Важна добродетель философа, которая от самодурства тирана только укрепляется: «Мужественный Анаксарх презирает пытки тирана Кипра и не боится быстрой смерти. “Растирай меня, – говорит он; то, что ты толчешь больше и больше, – говорит он, – это [лишь] мой гроб, надо мной же самым твоя кара бессильна”» [Махов, 2024, с. 22].

Приведу еще один пример использования тирана в качестве антуража. Речь идет о метафорической визуализации популярного речения «*Mediis tranquillus in undis* (Спокоен посреди волн)», которое в эмблематике впервые, видимо, появляется в «Горацианских эмблемах» Отто Вения [Махов, 2024, с. 27]. На *pictura* невозмутимый мудрец, сидящий в правом углу, «дан на весьма

насыщенном фоне. Два человека что-то шепчут ему в уши, а третий, за его спиной, драматично воздевает руки; конечно, они символизируют “молву”, “человеческие мнения”, от которых стоический мудрец должен быть свободен. Перед мудрецом “тиран” замахивается на него своим скипетром, а на заднем плане солдаты штурмуют город, идет резня, разгорается пожар... Ко всему этому бесстрашный стоик остается безразличным, разглядывая лишь весы, которые он сам же держит в правой руке, – символ меры. Фигура мудреца в этой композиции, как замечает Симон Маккиоун, “дает совершенное воплощение стоической идеи *apatheia*, или безразличия к судьбе”... На текстовом уровне эмблема развивает мотивы оды Горация (III, 3), где нарисован идеал праведного мужа (*vir justus*): “Праведный муж не боится ни крика черни, ни угрозы тирана, ни ударов молний, ни шумной бури”» [Махов, 2024, с. 27].

В разделе о стоическом этосе Махов затрагивает и тему домашней тирании – причем женской. На эмблеме И. Манниха «*Tutius cedis quam caedis*. Тебе безопаснее будет уступить, чем бить» изображена семейная сцена. Жена (из немецкой подписи ясно, что это жена Иова) в агрессивной позе, упиравшись руками в бока, обрушивается с упреками на мужа, который отнюдь не отвечает ей агрессией, – он стоит на пороге дома, собираясь его покинуть. Подпись выражает првильность тактики прагматической уступки для достижения безопасности: «Увы! сколь печальное зло, и нет зла печальнее, когда между мужем и женой нет согласия. Послушай, если [жена] к тебе зла, будь терпелив, не бей ее, но, что лучше, научись уступать злу» [Махов, 2024, с. 82].

В этосе героическом, где главная ценность – доблесть, звучит не тема тирана, истязającego подданных, а тема государя, жертвующего собой ради них; фактически тема образцового правителя. На переднем плане эмблемы Г. Ролленхагена «*Aliis inserviando consumer*. Служа другим, истрачиваю себя» на возвышении прямоугольной формы стоит горящая свеча в подсвечнике; за ней какой-то рыцарь в облаке дыма (визуальная метонимия битвы?) скачет на коне. Подпись позволяет нам предположить, что это государь, видимо, бесстрашно бросающийся в бой ради своих подданных. Он готов положить за них жизнь: «Подобно тому как свеча, давая нам свет, сама истощается и переходит в небытие, так и великий Государь, наделенный доблестным сердцем, навлекает на себя свой смертный час» [Махов, 2024, с. 44].

В прагматическом этосе содержится больше всего рекомендаций для государя по сохранению личной и государственной без-

опасности и завоеванию любви подданных. Махов постоянно подчеркивает, что отношение к одним и тем же поступкам в разных этосах часто диаметрально противоположное: «Если в традиционном, неоднократно обсуждаемом в эмблематике конфликте государя (тирана) и ученого (философа) стоик был готов отдать жизнь во имя торжества авгаркийной добродетели, то в этосе прагматическом “ученому” предлагается хорошо подумать, прежде чем дерзить государю: ведь от этого зависит сохранение самого ценного – жизни. На *pictura* к эмблеме Ороско-и-Коваррубиаса “*Principibus non male dices* (Не говори государям дурного)” изображен повешенный на дереве грамматик Дафит, при жизни отличавшийся дерзостью и позволявший себе говорить плохое о своем государе; он наказан таким вот образом, чтобы служить предостережением другим. Но, может быть, то “дурное”, что Дафит говорил о государе, было правдой? Этот вопрос в эмблеме не обсуждается: ее цель – научить читателя одной из стратегий самосохранения, состоящей именно в том, чтобы “не говорить дурного государям”» [Махов, 2024, с. 51]. Здесь тиран снова персонаж внесценический и морально одноцветный. Речь снова не о нем, а о том, как вести себя подданному в зависимости от этических предпочтений.

С точки зрения прагматического этоса самопожертвование государя, воспеваемое в героическом этосе, не похвально, а просто глупо – как, например, бессмысленное самосожжение пера в эмблеме Н. Таурелла «*Aliis consumo ut obsim*. Уничтожаю себя, чтобы навредить другим» [Махов, 2024, с. 91].

Еще одна выделенная Маховым стабильная пара – государь и слуга. Эмблематика дает прагматические советы обоим: государю советует опасаться слуг, слугам – государей. Опасны для государя лстивые слуги; опасны и слуги, неверно исполняющие его приказы. На эмблеме Сааведры «*Llegan de Luz e salen de fuego*. Прибывают от света и исходят от огня» показано, как «лучи, пришедшие от солнца на увеличительное стекло, становятся огненными – и поджигают корабль, на который их это стекло направляет. Миролюбивому государю следует опасаться воинственных подчиненных: они могут неправильно исполнить его приказ (его символизирует луч солнца) и вместо заключения мира затеять войну (луч солнца превращается в огонь, испепеляющий корабль)» [Махов, 2024, с. 63].

Дает эмблематика уроки и подданным тиранов – как, например, на эмблеме Ла Перьера, где изображен человек, собирающийся стричь льва: «Ты, что хочешь жить на службе у властителей, –

остерегайся играть с ними: ведь когда ты тревожишь их по пустякам или совсем без дела, то их [ответная] игра окажется для тебя слишком опасной. Подобное времяпрепровождение кончается плохо, а весьма часто приносит великое несчастье. Хочешь играть – ищи себе равного партнера, и тогда будешь вне опасности. Кто собирается стричь льва, рискует быть съеденным» [Махов, 2014, с. 240].

Государя следует опасаться слугам, да вообще всем, кто пытается к нему приблизиться. Об этом – эмблема Брука «Haut secure (Отнюдь не в безопасности)», где висящая в воздухе рука, увенчанная подобием монаршей короны, разбивает палкой горшок. На заднем плане изображена веселящаяся за столом компания – явно приближенные государя. Подпись предостерегает: в таком веселом обществе нужно соблюдать всяческую осторожность: «Обыкновенный человек, который хочет иметь дружеский союз с государем, пусть присоединяется к забавам с мудрой осмотрительностью. Ведь горшок, по которому сильно бьют, быстро разбивается: так для обычного человека обычно кончается забава знати» [Махов, 2024, с. 63].

Практически та же идея, но в другой метафорической упаковке, – в эмблеме Борхи «Procul (Прочь)». На ней изображен сноп зевесовых молний с орлиными крыльями. Именно их, символизирующих государя и его двор, следует бояться, бежать от них «прочь». В подписи об этом сказано недвусмысленно: «Всякий, кто хочет провести свою жизнь в тишине <...>, должен держаться дальше от государей и их дворов»; «всякий может легко их разгневать, и тогда он впадает в их немилость и подвергается опасности погибнуть: его может настичь молния...» [Махов, 2024, с. 63].

Ано находит для той же мысли мифологическую оболочку – в мифе о Семеле, которая пожелала видеть Юпитера на любовном свидании в его собственном облике; желание стоило ей жизни (Овидий, «Метаморфозы», III, 260–315). На эмблеме с названием «Ambitio destruens (Разрушительное тщеславие)» показано, как Юнона в обличии старой кормилицы Берои пришла к Семеле, чтобы дать ей коварный совет просить Юпитера предстать в собственном облике. Подпись рассказывает, чем это кончилось, и выводит из истории мораль, относящуюся к общению с сильными мира сего: «Семела, за свои мольбы, соединилась с Юпитером в его величии, которое присуще громовому богу. Смертное тело не вынесло небесного бушевания, и тщеславная была погублена собственными мольбами. Эта [история] побуждает избегать общения

с могущественными, которые в конце концов губят тех, кого приближают к себе. Итак, беги сообщества великой власти и, если хочешь с кем-либо сблизиться, сближайся с равными тебе» [Махов, 2024, с. 63–64].

Эмблематическое *conciliatio*¹ знает и тему сближения государя и подданного вплоть до смены ролей – как в эмблеме Ж. де Монтене «*Canen. Пой!*» Перед государем, сидящем на некоем подобии трона, стоит человек с головой оленя – видимо, слуга, «холоп» государя. Этот человек-олень держит в руках трубу с не вполне понятным жестом: он то ли собирается на ней играть, то ли хочет передать ее государю. Надпись к эмблеме звучит как приказ – «*Canen*», «*Пой!*», а подпись поясняет: «Старый, некомпетентный и невежественный государь», не обладающий никаким личным опытом, управляет своим народом, слушая чужой голос и совсем не смысля в делах. Такого государя можно назвать, не оскорбляя его, не руководителем, но глашатаем [буквально: трубачом] своего совета; он освобождает себя от закона истинного Бога, чтобы предстать «слугой своих холопов». Государь при некоторых условиях (невежественности и т.п.) оказывается слугой [Махов, 2024, с. 143].

Описывает Махов и различное отношение этосов к отдыху государя. В контексте героического этоса государю отдыхать не позволялось (Махов снова напоминает эмблему С. де Коваррубиаса Ороско «*Imperat ut serviat*», где государю, изображенному с копытами вола, предписывалось «изнемогать под бременем обязанности, работать день и ночь»), а в этосе прагматическом государь, как и все смертные, имеет полное право на отдых. На эмблеме Б. Ано «*Securitas. Безопасность*» изображен пастух, спокойно отдыхающий под деревом, в то время как его собаки отгоняют волков от стада овец: «Пастух спит на обоих ушах, не страшась волков, когда он знает, что бдительные псы находятся при овцах. Так Государь, отложив заботы, предается сладостному досугу, когда поставит над народом верных наместников» [Махов, 2024, с. 80].

Подробно разбирая действие четырех комбинаторных операций в эмблематике, Махов отмечает очень нестандартный случай использования операции убавления при описании справедливого государя: «Казалось бы, вполне логично, что изъян телесный, отсутствие какого-либо элемента тела, становится метафорой и

¹ Кажется, Махов первым заговорил о роли этого парадокса в эмблематике.

морального изъяна как отсутствия той или иной добродетели. Однако целый ряд телесных метафор в эмблематике построен по обратной логике: телесное убавление символизирует достоинство, а не недостаток. На эмблеме Альчиато «In senatum boni principis. О совете при хорошем правителе» изображен слепой государь и судьи, лишенные рук. Подпись гласит: «Здесь, перед алтарями Богов, восседают фигуры, чьи руки отрублены; главная из них лишена зрения. Эти символы высшей власти и священного совета были изобретены фиванскими мужами. Почему они восседают? Потому что судьям подобает обладать серьезным, спокойным умом и постоянством души. Почему у них нет рук? Чтобы они не брали подношений и не позволяли совратить себя обещанием даров. Но главный [из них] слеп, потому что он посредством одного лишь слуха, бесстрастный и постоянный, осуществляет решения совета» [Махов, 2024, с. 212].

Эмблема А. Юния с надписью «Princeps ne cui aures servas praebat. Государь да не отдаст уши на службу кому-либо» дает еще один пример операции убавления в этом контексте. В основе эмблемы – свидетельство Плутарха о воздвигнутой на Крите статуе Зевса без ушей, показывающая, что столь великому владыке не подобает никого слушать («Об Исиде и Осирисе», 75). Текст подписи развивает эту идею: «Минойский Крит освятил высокую бронзовую статую Юпитера, лишённую доступного всем уха. Государь, который обуздывает государство умелыми браздами, пусть ни к кому не склоняет раболепно свой слух» [Махов, 2024, с. 216].

Подведем итог. Мы очень бегло рассмотрели эмблематическую диологию А.Е. Махова на предмет описания только одной топической сферы – тирана. В результате у нас получился учебник для правителя – правда, очень необычный: написанный не прямыми указаниями («Люби то-то, то-то, не делай того-то», как сказал бы Пушкин), а с помощью примеров из самых разных природных сфер, в основном из мира зверей. «Бестиарное остранение» оказывается самым действенным из всех метафорических зеркал. Звери наглядно показывают властителю, чему должно следовать, от чего удаляться. Разнообразие животных, взятых и «в чистом виде», и в комбинациях (лев, волк, слон, вол, выдра, обезьяна, орел, сокол, сова, филин, пеликан, дельфин, змея, скорпион, пчела, жук), оригинальность ситуаций и риторических поворотов интерпретаций поражает. И весь этот инвенционный блеск, вся эта фантазия, остроумие служит одной цели – воспитанию достойного правителя.

Такой же фейерверк приемов увидим и при анализе любой другой тематической сферы.

Хотя, говоря о единственности цели, мы, разумеется, упрощаем картину. Главная цель – всё-таки – удовольствие самого эмблематиста, его радость от творчества, ощущения своего могущества: возможности творить любые сущности, свободно сочетать в эмблемах все, что в мире вещей сочетанию не подлежит. Махов писал, что эмблематика «выпустила зверей из клеток» и позволила им разгуливать на свободе. Такими «зверьями» можно счесть и инвенционные прихоти авторов, позволяющих творить самые невероятные миры. По Скалигеру, поэт – второй бог [Махов, 2010, с. 35]; а любой эмблематист – поэт.

Этой свободой творчества и была близка Махову эмблематика. Для Махова эмблема – это и средство познания мира, и дидактический инструмент, и художественное произведение: «В этих девизах, как в зеркале, мы можем, не прибегая к огромным томам по философии и истории, в краткий промежуток времени и без усилий, просто созерцать и запечатлеть в наших умах все правила философии и гражданской жизни...» [Махов, 2014, с. 43]. Если бы Махов жил в пору расцвета эмблематики, он, наверное, был бы в числе авторов ярких и остроумных книг эмблем – настолько свойственно ему было восприятие мира *sub specie emblemae* (формула А.Е. Махова). Но он пребывал в этом мире – когда интерес к эмблеме был практически нулевым, но благодаря его сочинениям постепенно возрождался. И то, что сегодня эмблематика стала модной гуманитарной сферой, во многом заслуга А.Е. Махова – пожалуй, самого авторитетного российского эмблематолога, заложившего основы отечественного научного изучения эмблематики¹. В его работах найдем и общие законы строения мира эмблематики, и конкретные иллюстрации этих законов – например, в способах репрезентации образа тирана.

Список литературы

1. Махов А.Е. Европейская поэтика. Темы и вариации // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель / под общ. ред. Е.А. Цургановой и А.Е. Махова. – Москва : Издательство Кулагиной : Intrada, 2010. – С. 7–72.

¹ Махов, безусловно, потребовал бы убрать эти пафосные фразы.

2. *Махов А.Е.* Структура средневекового образа и изобретение полифонии // *Махов А.Е.* Избранные сочинения : в 3 т. / сост., общая ред., предисл. О.Л. Довгий. – Тула : Аквариус, 2025. – Т. 2. – С. 542–563.
3. *Махов А.Е.* Эмблематика : макрокосм. – Москва : Intrada, 2014. – 600 с.
4. *Махов А.Е.* Эмблематика : микрокосм / общая ред, послесловие О.Л. Довгий. – Тула : Аквариус, 2024. – 356 с., 130 л. вклейка.
5. *Махов А.Е.* Это веселое имя Хвостов // *Хвостов Д.И.* Сочинения. – Москва : Intrada, 1999. – С. 2–42.
6. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. : в 16 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 3 : Стихотворения, 1826–1836, кн. 1 : Сказки. – 1948. – 635 с.
7. *Хвостов Д.И.* Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами ... графа Д.И. Хвостова. – Санкт-Петербург : Импер. Акад. Наук, 1802. – 227 с.